

Сампиев Исрапил Магометович,
 д.полит.н., проф.,
 заведующий кафедрой социологии и политологии
 Ингушский государственный университет, Магас, Россия
israpil@yandex.ru

ОБ ОТНЕСЕНИИ К ХРИСТИАНСТВУ СВАТИЛИЩ НА СТОЛОВОЙ ГОРЕ (МЯТ-ЛОМ)

Аннотация. Целью статьи является верификация утверждений некоторых авторов о принадлежности к христианству святилищ на Столовой горе (Мят-лом) в Ингушетии. Основными задачами исследования являются: критический анализ утверждений дореволюционных и советских авторов, посвященных этим святилищам; проверка соответствия святилищ Столовой горы критериям отнесения культовых сооружений к христианству; сравнение обрядов молений у этих святилищ с христианскими обрядами.

Дореволюционные имперские и некоторые советские авторы приписывали святилища на Столовой горе в горной Ингушетии (Мятцели, Мяттар-Дяла, Сусол-Дяла) к христианской религии, называя их то церквями, то часовнями. Для этого часто просто искажались их названия, которые затем по созвучию приписывались христианским святым. Не основанные на строгой научной аргументации, эти утверждения скорее имели целью легитимацию притязаний Российской империи на Кавказ, как бывшее христианское пространство. Однако анализ исследований ведущих специалистов по культовым сооружениям Кавказа (архитектор А. Гольдштейн, археолог М.Б. Мужухоев, этнографы Басилов В.Н., Кобычев В.П. и др.), посвященных анализируемым культовым сооружениям, показывает, что они не соответствуют установленным критериям для отнесения к христианским памятникам. Показано, что не соответствуют христианству и обряды молений у этих святилищ (запрет на нахождение в ингушских святилищах всем, кроме жреца, отсутствие алтаря, жертвенный забой животных, пиршество и танцы и т.д.).

Анализ архитектурных, обрядовых и этнографических аспектов культовых строений Столовой горы приводит к выводу, что Мятцел, Мяттар-Дяла и Сусон-Дяла есть «языческие» святилища и генетически связаны со склепами как атрибутами культа обожествленных предков. На основании проведенного анализа установлено, что Мятцели и другие самобытные ингушские святилища, наиболее примечательные среди святилищ Северо-Восточного Кавказа, расположенные в Кистинском обществе Ингушетии, никогда не были христианскими церквями или часовнями, а всякие попытки привязать имена христианских Св. Марину, Матерь Божию или Св. Матвея к имени святилища Мятцели и священной ингушской горе Мят-лом, ничем не обоснованы. Результаты исследования опровергают попытки фальсификации принадлежности ингушских национальных культовых сооружений к христианству и имеют не только гносеологическую, но и практическую значимость.

Ключевые слова: Ингушетия; Столовая гора (Мят-лом); святилища Мятцели; Сусол-Дяла; Мяттар-Дяла; язычество; христианство; культ предков.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH153335-344>

Israpil M. Sampiev,
Israpil M. Sampiev
D.Sc. (in Politology), Professor
Head of Dept. of sociology and political science
The Ingush State University, Magas, Russia
israpil@yandex.ru

ON REFERRING TO CHRISTIANITY SANCTUARIES IN TABLE MOUNTAIN (MAT-LOM)

Annotation. The article aims to verify some of the assertions made about attributing sanctuaries of Mount Stolovaya (Myat-Loam) in Ingushetia to Christianity. The principal tasks of the study are to conduct critical analysis of some of the statements of pre-revolutionary and soviet authors, related to those shrines; to check the conformity of the said shrines to the Christian places of worship; to compare rituals of the sanctuaries with the Christian ones.

Pre-revolutionary imperial and soviet authors associate sanctuaries of Mount Stolovaya in the mountainous regions of Ingushetia (Myatzetli, Myattar-Dyala, Susol-Dyala) to Christianity, describing them as churches or chapels. For this purpose, names of the shrines were often distorted and then attributed to Christian saints. Those statements, without any scientific reasoning, were most likely aimed to legitimize the Russian Empire on the Caucasus' territory, as a former Christian space. However, the study analysis of the sanctuaries, carried out by the leading experts in places of worship (architect A. Goldstein, archeologist M.B Muzhukhоеv, ethnologists V. N. Basilov, V.P. Kobychеv et al.) reveals that they do not comply with the established criteria of Christian monuments; rituals of praying at the sanctuaries also show no conformity to Christianity (it was forbidden for anyone to be inside the Ingush shrines except the priest; the absence of altar; animal sacrifice; feasts and dances, etc.).

The analysis of architectural, ritual and ethnographic aspects of the sanctuaries on Mount Stolovaya provides the conclusion that Myatsil, Myattar-Dyala, Susol-Dyala are pagan shrines, associated with crypts as attributes of the cult of ancestor veneration. Basing on the analysis, it has been established that Myatseli and other distinctive Ingush sanctuaries, located in Kistin community of Ingushetia, were never Christian churches or chapels; attempts at associating Christian names of St. Mary or St. Matthew to the name of Myatseli and the sacred Ingush mountain Myat-Loam are unfounded. The results of the study refute the attempts of false attribution of Ingush national places of worship to Christianity and carry not only gnoseological, but also practical relevance.

Keywords: Ingushetia; Mount Stolovaya (Myat-Loam); Myatseli sanctuary; Susol-Dyala; Myatar-Dyala; paganism; veneration of the dead.

©I.M. Sampiev, 2019

©Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2019

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Целью статьи является верификация утверждений некоторых дореволюционных и советских авторов о принадлежности к христианству святилищ Мятцели, Мяттар-Дяла, Сусол-Дяла на Столовой горе (*Мят-лом*) в горной Ингушетии. Основными задачами исследования являются: критический анализ утверждений дореволюционных и советских авторов, посвященных этим святилищам; проверка соответствия святилищ Столовой горы критериям отнесения культовых сооружений к христианству; сравнение обрядов молений у этих святилищ с христианскими обрядами.

Говоря о святилищах на Столовой горе (Мятцели, Мяттар-Дяла, Сусол-Дяла), дореволюционные и некоторые советские авторы искусственно пытались приписать их к христианской религии, называя то церквями, то часовнями. Иногда это происходило машинально, иногда из-за заимствования у прежних авторов, но во многих случаях преднамеренно. Так, П.И. Головинский святилище Мятцели переделал в «Мацилу», чтобы было созвучнее, переводя ее как «Мать божья» [1, с. 252]. Если следовать этой схеме, осетинское «Уацила», или «Тбау-уацила», тоже должно обозначать «Мать Божья», поскольку, как аргументированно показал в своей работе Б.А. Алборов [2, с. 349–430], эти названия семантически тесно связаны. Отсюда следует, что и гора Тбау – должна была бы обозначать гора «Матери Божьей». Ясно, что данная трактовка названия святилища совершенно произвольная, и имеет целью подведение этих названий под его мнимый «христианский» характер.

В подтверждение нашего суждения, можно привести еще один пример: тот же П.И. Головинский произвольно переделал аульного патрона хулахойцев (жителей селения Хули в горной Ингушетии) Ткъамаж-Ерда в «Тимичь-эрды» и по созвучию провозгласил последнего «Святым Тимофеем». [1, с.253] Какое отношение Святой Тимофей мог иметь к аулу Хули, к Ингушетии вообще, чтобы ему здесь устраивали ежегодные празднества и строили специальное святилище – автор не объясняет. Полагаем, 99 % христиан в мире и сегодня не сумеют сказать, был ли такой святой вообще и если был, то чем он известен. О неуместности привязки этого святого к Ткъамаж-Ерда высказался в свое время и Башир Далгат: «Г-н Головинский и другие авторы слово Тамыж-ерда переводят как христианское имя Святой Тимофей. Но это совершенно произвольное толкование, не известное самим ингушам. Газбык говорит, что Тамыж значит «Крылатый», а Тамыж-Ерда – «Крылатый Дух» [3, с.136].

Выполняя установку на поиски следов исповедуемого прежде горскими народами христианства, что должно было, в конечном счете, легитимировать притязания Российской империи на Кавказе, А.П. Берже в работе «Чечня и чеченцы» пишет: «На вершине Матхох у кистин (ближних) есть три памятника, которые они называют церквями: в одном из них празднуют Св. Георгия, в другом Божию Матерь, а в третьем Св. Марину» [4, с. 84–85]. Очевидно, А. Берже намеренно искажает названия святилищ и подгоняет их под христианские имена, не проявив должной объективности.

Тезис о необоснованном приписывании христианства всем ингушским святилищам в древности подтверждает и Н.К. Зейдлиц. Разберем этот кейс более подробно. Н.К. Зейдлиц утверждает, что «Немало в Галгае и Джерахе и настоящих христианских храмов. Развалины церкви (Алби-Ерды) я видел на правом берегу Ассы против дер. Таргим, замечательной по своим высоким башням, своим многочисленным «кешам». Церковь близ дер. Хайрах, известная Тхаба-Ерды, выстроена из материала разрушенного древнего грузинского храма, вероятно, времен царицы Тамары, из которого для нее позаимствовались не только карнизами из резного камня, но и целыми барельефами с хорошо сохранными фигурами людей, ангелов и изображением прежде стоявшего здесь храма, даже остатками грузинских надписей. Настоящая церковь находится и при дер. Гадаборш-юрт на водораздельном хребте между Ассою и Макал-доном (или между Галгаем и Джерахом)» [5, с. 144–149].

Н.К. Зейдлиц здесь называет «настоящие христианские церкви» в Галгае (Галгаевском обществе), но не приводит ни единого христианского храма из «Джераха»¹.

Далее Н.К. Зейдлиц пишет: «Менее сохранили характер христианских богослужебных построек те три места поклонения народа, которые находятся близ вершины горы Мат-хох («горы Матери», т.е. Божией – на языке осетинском)². Эти постройки, не смотря на их название, на оказываемый им почет и положение их на вершине горы, не направлены даже на восток и не имеют алтаря, почему они, вероятно, сооружены не христианскими строителями».

Названия этих трех святилищ в тексте у Зейдлица Н.К. искажены, оказываемый почет культовым сооружениям – вовсе не исключительный признак христианских церквей, направление по оси восток-запад – также не исключительная особенность церквей. Далее, положение на вершинах гор не характерно для церквей, а отсутствие алтаря исключает их христианскую принадлежность. Но, тем не менее, Н. Зейдлиц делает из выше сказанного парадоксальный, прямо противоположный вывод: «Но, что на их месте стояли христианские храмы, в том нет никакого сомнения³. Христианство в Джерахе и Галгае поддерживалось грузинскими царями и народом: здесь находятся еще церковные книги на древнем грузинском языке⁴; в начале настоящего столетия здешние горцы получали от Грузии подарки шелковыми и другими материалами⁵ ... В пятидесятых годах в деревнях Галгая существовали еще целые стада свиней, ныне еще видны отведенные им отдельно хлева» [5, с. 149].

Автор явно переносит факты давней частичной и непродолжительной христианизации Галгаевского общества на другие общества, не приводя в

1 «Джерахом» он ошибочно называет Кистетию (Кистинское общество Ингушетии).

2 По какой причине кисты-ингуши называли свою гору на языке чуждого племени, автор не поясняет. Кстати, на осетинском языке это звучало бы не Мат-хох, а Мады-хох.

3 Заметим – на их месте, а не они сами! На основании чего автор пришел к такому выводу – неясно.

4 В т.н. «Джерахе» не найдена по сей день ни одного листочка, не то, что церковной книги.

5 Историкам хорошо известно, что подарки и плату горцы от царей Грузии иногда получали, но скорее за совсем другие дела, чем за исповедание христианской веры.

и поныне совершаются ежегодно, в последнее воскресенье июня месяца, джераховцами, кистинами и галгаевцами» [8, с. 3].

Трудно поверить в достоверность приводимой информации, поскольку нет ни имен этих горцев-информаторов, не прослеживается логика перехода от христианства к исламу и невероятно продолжение следования христианству, тем более установление христианских праздников в исламизированном обществе. Сам текст – компиляция из книжных сведений более ранних авторов, а не выводы исследователя, непосредственно собравшего информацию от «стариков-горцев».

Многие современные авторы, не задумываясь, повторяют ошибки дореволюционных исследователей, в результате чего эти ошибки приобретают вид некоей аксиомы, не имеющей под собой никакой фактической основы. Так, в своей работе по топонимии горной Чечни и Ингушетии А. Сулейманов переводит Мят-лом (Маьт-лоам) как «Святого Матфея гора»: «...Мят-лоам (Маьт-лоам) – Святого Матфея (?) гора – Столовая гора... На этой горе имеются храмы и святилища...» [9, с. 33]. Мы видим, как Мать Божья, или Святая Марина, постепенно трансформировалась в Святого Матвея. При этом автор весьма далеко уходит от фактической основы и выдумывает даже сочетание «храмов и святилищ» на Столовой горе. Такое «творчество» имеет тот же самый политический подтекст, что и в работах имперских авторов но, как и у своих предшественников, не имеет никакого объективного обоснования, что мы покажем подробнее ниже.

Итак, наша задача состоит в том, чтобы не по предположениям или в угоду политической целесообразности, а на научной объективной основе установить, являлись ли культовые сооружения на Столовой горе христианскими. В этом могут оказать помощь работы узких специалистов, посвященные культовым сооружениям. В частности, работа доктора искусствоведения, архитектора А.Ф. Гольдштейна «Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии». В разделе «Генезис ингушских святилищ» А. Гольдштейн приводит индикаторы для определения того, является ли рассматриваемый храм христианским или же таковым не является.

Эти индикаторы или критерии для определения религиозной принадлежности ингушских святилищ таковы:

1. Конструкция и формы святилищ свидетельствуют о сложившейся самобытной архитектуре этих сооружений; 9
2. Ареал их распространения не совпадает с районом, где находятся явные христианские храмы, Тхаба-Ерды и Алби-Ерды; 10
3. Эти христианские храмы располагаются в долине, на местах, обозримых

9 Т.е. не заимствованной в грузинской, византийской или иной христианской традиции.

10 Сюда же можно добавить Таргимский храм. Все эти храмы находятся в Таргимской котловине, и не один не зафиксирован в Кистинском ущелье, при наличии более чем десятка известных крупных языческих святилищ, как это видно на карте локализации святилищ разных типов в Ингушетии, за исключением, быть может, святилища Маго-те с однозначно ингушской храмовой архитектурой, но с несколькими заимствованными «христианскими» элементами (см. рис. 1).

со всех сторон, а ингушские святилища – на возвышенных, труднодоступных местах, на вершинах или крутых склонах гор; 11

4. Габариты помещений, ориентация алтарной части и расположение входных проемов большинства построек святилищ свидетельствует, что они являлись языческими и что их строители исходили не из христианской, а иной культово-архитектурной традиции. [6, с.78]

При этом А. Гольдштейн специально уделяет внимание святилищу Мятцели, анализируя его с позиций вышеприведенных индикаторов, и приходит к выводу, что это сооружение ничего общего с христианскими культовыми зданиями не имеет. Кроме того, он указывает, что при общей ориентации святилища по оси восток-запад (а это общая черта не исключительно христианских, но вообще всех восточных храмов и всех восточных дохристианских религий), оно в обоих торцах имеет двери и посему просто исключает христианский алтарь, как это видно на Рис. 2. Планы святилища Мятцели (на подписи указанного как Мят-Села), были сделаны известным краеведом И.П. Щерблыкиным.

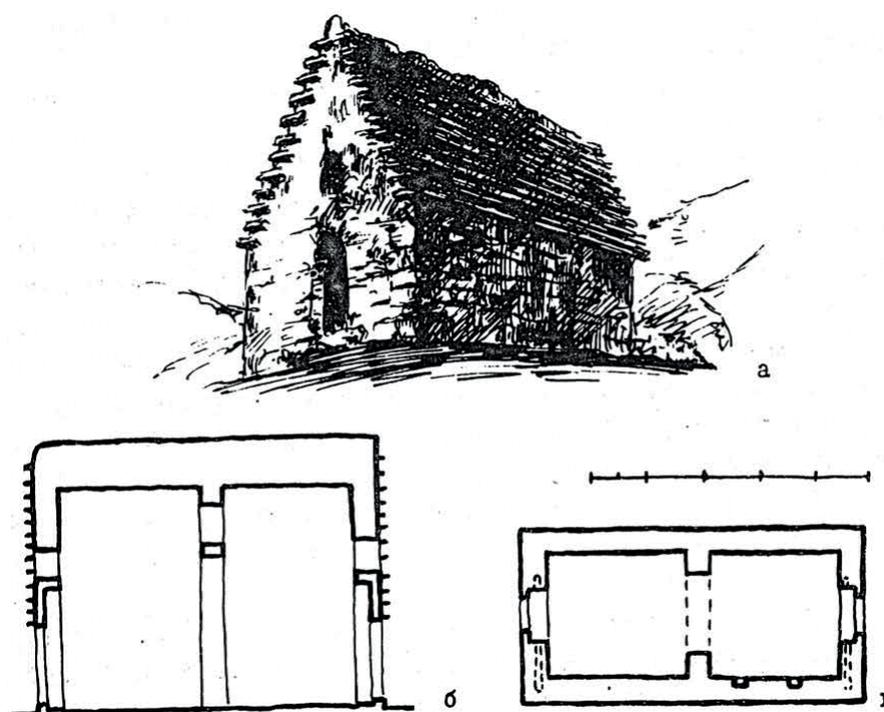

Рис. 2. Святилище Мятцели,
а) общий вид, б) продольный разрез; в) план [6, с.81; 10, с. 291]

Fig. 2. Sanctuary of Myatzeli, a) general view, b) longitudinal section; c) layout [6, p. 81; 10, p. 291]

На основании проведенного анализа А. Гольдштейн приходит к заключению, что святилище Мятцели (а также и однотипные святилища Мяттар-Дяла, Сусол-Дяла, Бейна-Села и др.) однозначно не являются христианскими храмами.

11 Это яркое свидетельство принадлежности к разным религиозным системам и разным базовым для них этносоциокультурным и мировоззренческим основаниям.

Важно указать, что христианские обряды предполагают и даже требуют нахождения прихожан в здании во время обрядов и служб; в Мятцели (и других ингушских, да и вообще кавказских святилищах) по всем описаниям это запрещено, и пребывать внутри храма имеет право только священнослужитель [11, с. 302; 4, с.143]. Кроме того, ни с каким христианским обрядом не вяжется жертвенный забой животных (мелкий и крупный рогатый скот), пиршество и танцы. При этом, рога жертвенных животных клали на кровлю святилищ [12, с. 15].

Анализируя архитектурные, обрядовые и этнографические аспекты культовых строений Столовой горы, проф. М.Б. Мужехоев приходит к выводу, что Мятцил, Мятар-Дяла и Сусон-Дяла – дохристианские святилища [7, с. 123] и возникли не позднее XI–XII в. Однако, надо иметь в виду, что ориентироваться на период XI в. (как время строительства храмов Тхаба-Ерды и Алби-ерда) не совсем корректно, главным образом по причине того, что в Кистинском ущелье (в бассейне р. Кистинки (Армхи) святилища не могли быть «дохристианскими», поскольку христианских храмов здесь не было вообще, в отличие от соседнего Ассинского ущелья. Вместе с тем, существование в с. Фалхан преемственных захоронений подземных (V–IX в.), полуподземных (IX–XIV в.), а также надземных (XIV–XVIII вв.) склепов по периодизации проф. Е.И. Крупнова [13, с. 61], ставших прообразом языческих святилищ, подкрепляют вывод проф. М.Б. Мужехоева.

Выводы известного археолога подтверждает в своем профессиональном исследовании и архитектор, искусствовед А. Гольдштейн, сумевший к тому же аргументировано проследить и генезис ингушских святилищ: «Известно, что прообразом форм культовых сооружений у всех народов обычно являлись жилые постройки. По-видимому, это имеет место и в данном случае: ингушские святилища строились не в подражание грузинским храмам (с которыми они не имеют ничего общего ни по планировке, ни по архитектурным формам), а по образцу местных жилищ, не дошедших до нашего времени» [6, с. 82]. Это заключение хорошо коррелирует с общепринятым в кавказоведении положением о том, что корни башенного строительства в виде циклопических построек известны в горной Ингушетии не позднее начала нашей эры, а массовое распространение башенного жилья и боевых башен отмечается с монгольского нашествия, т.е. начала XIII в.

В довершении снятия вопроса о якобы христианском характере святилищ Мятцели, Мятар-Дяла и Сусол-Дяла приведем заключение исследовавших вопрос генезиса ингушских святилищ известных историков В.Н. Басилова и В.П. Кобычева, аргументировано показавших, что ингушские святилища генетически связаны со склепами как атрибутами культа обожествленных предков: «Это сходство построек происходит от того, что ингушские святилища развивались из склепов (а вовсе не из христианских храмов, как полагают Л.П. Семенов и И.П. Щеблыкин)» [14, с. 129].

Итак, на основании проведенного анализа можно уверенно утверждать, что

Мятцели и другие самобытные ингушские святилища, по мнению специалистов «наиболее примечательные среди святилищ Северо-Восточного Кавказа», [6, с. 71] никогда не были христианскими церквями или часовнями, а всякие попытки привязать имена христианских Св. Марины, Матери Божией (Марии) или Св. Матвея к имени святилища Мятцели и священной ингушской горе Мят-лом (Столовая гора), абсолютно ничем не обоснованы. Результаты исследования опровергают попытки фальсификации принадлежности ингушских национальных культовых сооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головинский П.И. Чеченцы. Заметки о Чечне и чеченцах: из записок П.И. Головинского // Сборник статей о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып.1. – 382 с.
2. Алборов Б.А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Алларды». (К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях). Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1928. Вып.1. – 445 с.
3. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. – 240 с.
4. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. – 140 с.
5. Зейдлиц Н.К. Поездка в Галгаевское и Джераховское ущелья // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1873. Т. II. № 4. С. 144–149.
6. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975. – 175 с.
7. Мужехоев М.М. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII–XVIII вв. Дисс. канд. ист. наук. - М.: Институт Археологии РАН, 1972. – 176с.
8. Ф. Матхох (Столовая гора). Эскиз // Кавказ. 30 ноября 1885. № 318.
9. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. Ч. 2. – 289 с.
10. Щерблякин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Известия Ингушского НИИ Краеведения. Владикавказ, 1928. Вып.1. С. 271–298.
11. Байерн Ф.О. О древних сооружениях на Кавказе // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. I. С. 298–325.

REFERENCES

1. Golovinsky P I. Chechens. [Chechentsy. Zametki o Chechne i chechentsakh: iz zapisok P.I. Golovinskogo Notes about Chechnya and the Chechens: from the notes of P. I. Golovinsky. Collection of articles about Terek region Sbornik statey o Terskoy oblasti. Vol. I. Vladikavkaz, 1878: 241-261. (In Russ.)
2. Alborov B.A. Ingush "Galerdi" and Ossetian "Allardy" (To the question of Ossetian-Ingush cultural relations) [Ingushskoye «Gal'yerdy» i osetinskoye «Allardy» (K voprosu ob osetino-ingushskikh kul'turnykh vzaimootnosheniyakh) News of the Ingush research Institute of local lore [Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya]; Vol.1; Vladikavaz, 1928: 349-430.(In Russ.)
3. Dalgat B.K. Primal religion of the Chechens and the Ingush [Pervobytnaya religiya chechentsev i ingushei]. М.: Nauka, 2004. (In Russ.)
4. Berzhe A.P. Chechnya and Chechens [Chechnya i chechentsy]. Tiflis, 1859. (In Russ.)
5. Zeidlitz N.K. A trip to Galgaevsky and Djerahovsky gorges [Poezdka v Galgaevskoe I Djerahovskoe ushelya Proceedings of the Caucasian Department of the Imperial Russian geographical society [Izvestiya Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva]. Vol. II. Tiflis, 1873, №4: 144–149. (In Russ.)
6. Goldstein A.F. Medieval architecture of Chechen-Ingushetia and North Ossetia [Srednevekovoe zodchestvo Checheno-Ingushetii i Severnoj Osetii]. М.: Nauka, 1975.(In Russ.)
7. Muzhehiov M B. Medieval material culture of the mountainous Ingushetia of the XIII-XVIII centuries: dissertation [Srednevekovaya

12. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в горной Ингушетии в 1925–1932 годах. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 162 с.
13. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Магас: Сердало, 2008. – 256с.
14. Басилов В.Н., Кобычев В.П. Галгай – страна башен // Этнографическое обозрение. 1971. №1. С. 120–135.
- material'naya kul'tura gornoj Ingushetii XIII-XVIII vv.*] М.: Institute of Archeology of RAS, 1972. (In Russ.)
8. Matkhoh F. (Mount Stolovaya). Sketch [Stolovaya Gora. *Eskiz The Caucasus [Kavkaz]*. November 30, 1885. № 318. (In Russ.)
9. Suleymanov A.S. *Toponymy of Chechnya and Ingushetia [Toponimiya Checheno-Ingushetii]*. Vol. II. Grozny: Chechen-Ingush book publishing, 1978.(In Russ.)
10. Shcheblykin I.P. Ingush art in monuments of material culture [Iskusstvo ingushey v pamyatnikakh material'noy kul'tury *News of Ingush research Institute of local Lore [Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya]*. Vladikavkaz, 1928. Vol. I: 271–298. (In Russ.)
11. Bayern F.O. Ancient structures of the Caucasus [O drevnih sooruzeniyah na Kavkaze]. *Collection of information about the Caucasus [Sbornik svedenij o Kavkaze]*. Tiflis, 1871. Vol. I: 298–325. (In Russ.)
12. Semenov L.P. *Archaeological and ethnographic studies in mountainous Ingushetia in 1925–1832 years [Arkheologicheskie i ehtnograficheskie razyskaniya v gornoj Ingushetii v 1925-1932 godakh]*. Nazran: Pilgrim Publ., 2010. (In Russ.)
13. Krupnov E.I. *Medieval Ingushetia [Srednevekovaya Ingushetiya]*; Magas: Serdalo Publ., 2008.(In Russ.)
- Basilov V.N., Kobychhev V.P. Galgay – the land of towers [Galgay – strana bashen]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1971. № 1: 120–135. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.04.2019 г.